

ЛЕОНИД **ЗОРИН**

БУРНЫЕ ДНИ ГАРУНСКОГО

(мужчина и женщины)

aegitas

Леонид Зорин

**Бурные дни Гарунского
(Мужчина и женщины)**

«Aegitas»

1970

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Зорин Л. Г.

Бурные дни Гарунского (Мужчина и женщины) / Л. Г. Зорин —
«Aegitas», 1970

ISBN 978-0-36-940754-2

Герой пьесы Ананий Семенович Гарунский обратился в психоневрологический диспансер с единственной просьбой: выдать справку, что он не состоит здесь на учете. Казалось бы, какая проблема? Но все оказывается не так-то просто... Леонид Зорин на экземпляре этой пьесы написал: «Посвящается замечательным актерам – Марии Владимировне Мироновой и Александру Семеновичу Менакеру». Все женские роли, естественно, исполняла Мария Миронова. А одну – единственную мужскую – Александр Менакер. Пьеса предоставила Мироновой возможность для бесконечных трансформаций: она и скромная, заботливая жена, и постоянный член месткома, и жрица любви и поэзии, и темпераментная попутчица-грузинка, и медрегистратор диспансера, и многоопытный врач – психиатр, и наблюдательная соседка, и весьма ответственная дама-начальница...

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-0-36-940754-2

© Зорин Л. Г., 1970
© Aegitas, 1970

Содержание

Леонид Зорин	5
1	6
2	8
3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Леонид Зорин
Бурные дни Гарунского (Мужчина и женщины)
Комедия в семнадцати эпизодах

*Марии Владимировне Мироновой и Александру Семеновичу
Менакеру*

© Леонид Зорин

© Aegitas publishing house, 2022

РОЛИ

Гарунский – мужчина. Ранимое существо.

Анна Юльевна – его жена, святая женщина.

Регистраторша – железная женщина.

Августа Гурьевна – врач, мыслящая женщина.

Акулевич – женщина-плановик.

Дама-пассажирка – энергичная женщина.

Марина Истомина – поэтическая женщина.

Вера Аркадьевна – патетическая женщина.

Начальник отдела – авторитетная женщина.

Примечание: все женские роли может исполнять одна актриса.

ОТ АВТОРА

Все началось с того, что понадобился документ. Ах, каких только справок и удостоверений не бывает на свете! Неистощима изобретательность канцелярий! Мог ли предвидеть сотрудник сектора отчетности почтенного учреждения Ананий Семенович Гарунский, что ему потребуется справка, удостоверяющая тот факт, что он не состоит на учете... простите... в психоневрологическом диспансере?! На Анания Семеновича, мужчину мнительного и возбудимого, эта необходимость произвела гнетущее впечатление. В присутствии сына, которому возникшая ситуация доставляла много удовольствия и который давно удручал Гарунского грубостью своего переходного возраста, Ананий Семенович старался не затрагивать этой темы, но, когда он оставался с женой Анной Юльевной наедине, его раздражение искало выхода.

1

Гарунский и Анна Юльевна.

Гарунский. Непостижимо. Можешь ты мне объяснить, зачем нужно удостоверять, что я не состою на учете?

Анна Юльевна (голова ее повязана полотенцем). Да не все ли тебе равно?

Гарунский. Нет, позволь. Я понимаю, документ, который свидетельствует, что я состою. Здесь есть логика, есть позиция. Я состою, значит, я имею те или иные привилегии, я вправе претендовать на лечение, на помощь, на особые условия. Но доказывать, что я не состою, – это смешно.

Анна Юльевна. Так посмейся. Зачем ломать голову? Она у тебя одна.

Гарунский. Ну и что? Это не значит, что я должен оберегать ее от всякой мысли.

Анна Юльевна. Ананий, но если такой порядок?!

Гарунский. Где он, порядок? Покажи мне его. Я его ищу, я его жажду.

Анна Юльевна. Что за манера все усложнять? Раз надо, так надо. Поезжай и возьми.

Гарунский. Бог ты мой, как у тебя все просто. «Поезжай и возьми». Во-первых, это заведение находится на другом конце города. Я должен ехать в троллейбусе, потом в автобусе, потом в трамвае. На улице – двадцать пять градусов зноя. Вагоны полны народа. Целый час я должен задыхаться среди потных, разгоряченных тел. И это не все. Само собою, – там очередь на год. Десятки людей. И те, кто пришел туда за помощью, и те, кто в таком же положении, как я. Я буду вынужден провести там еще два часа, может быть, подвергаясь оскорблениям душевнобольных, которые за себя не отвечают и которым позволено все.

Анна Юльевна. Веди себя тихо, и никто тебя не тронет. Гарунский. Ну да, твоя мудрость: не рассуждай и терпи.

Но ведь и это отнюдь не конец. Меня еще ждет обратный путь. Когда, разбитый физически и опустошенный нравственно, я получу эту унижительную бумажку, мне вновь предстоит задыхаться в вагонах и дышать испарениями. Ужасно. Анна Юльевна. Но нельзя же прожить под колпаком всю жизнь.

Гарунский. Так, по-твоему, к этому я стремлюсь? Невероятно – столько лет рядом и ты совсем меня не постигла. Это я-то мечтаю влезть под колпак? Если хочешь, я человек страстей. Я просто их сдерживаю.

Анна Юльевна. Не всегда.

Гарунский. Все наши споры кончаются одним – ты предлагаешь мне махнуть рукой на здравый смысл. Анна, я не могу на это пойти. Ведь достаточно на меня взглянуть, чтобы понять, что я не нуждаюсь ни в каких справках. Хорошо, допустим, вы не физиономисты. Тогда побеседуйте со мной! Две-три фразы, и вы увидите, что перед вами разумный, интересно мыслящий человек. Зачем же подобное надругательство?

Анна Юльевна. Ну успокойся, возьми себя в руки. Будь мужчиной.

Гарунский (нервно). Что ты имеешь в виду?

Анна Юльевна. Страшно подумать, как ты не защищен. Какая-то открытая рана.

Гарунский. Естественно, я человек, а не слон. Соприкосновение с повседневностью не проходит для меня бесследно.

Анна Юльевна (поправляя на голове полотенце). Ананий, довольно, я не могу. Ты еще никуда не съездил, а уже устроил мне головную боль. Помолчи, я тебя умоляю. Сколько бы ты ни кипятился и что бы ты ни утверждал, от этого ничего не изменится. Поешь и поскорей отправляйся. Уже Саша над тобой смеется – с чего бы отец не хочет ехать?..

Гарунский (с горькой усмешкой). Другого я от него и не ждал. Ну что же, радуйтесь, я поеду. Мне не верят на слово, что я нормален; отлично, я покажу вам печать!

ОТ АВТОРА

Надо признать, что живое воображение Гарунского позволило ему довольно верно предугадать течение событий и нарисовать близкую к реальности картину.

Примерно все так оно и было – жаркий день, долгая поездка и коридорное ожидание.

Но все же в конце концов он был допущен в торжественную тишину регистратуры и предстал перед немногословным существом в белом халате. Это была женщина на исходе затянувшейся молодости, закаленная жизнью и общением с неуравновешенными людьми.

2

Гарунский и регистраторша.

Регистраторша. Фамилия?

Гарунский. Гарунский. Дело в том, что я... Регистраторша. Имя-отчество?

Гарунский. Ананий Семенович. Видите ли... Регистраторша. Ананий?..

Гарунский. Ананий. Выслушайте меня...

Регистраторша (ищет). Гарунский... Гарунский... (*Взглядывает на него.*) Гарунский? Поляк?

Гарунский (машиет рукой). Да нет... Я хочу объяснить вам...

Регистраторша: Не мешайте. (*Ищет.*) Гарунский... (*Озабоченно.*) Вашей карточки нет.

Гарунский. И не может быть. Я здесь в первый раз.

Регистраторша. Что же вы сразу не говорите? Станный какой... Где направление?

Гарунский. Послушайте, вы совершенно напрасно принимаете меня за ваш контингент.

Регистраторша. Это вы доктору все расскажете... Адрес?

Гарунский. Дайте же мне сказать! Удивительно! Добираюсь к вам час на всех видах транспорта, какие существуют, почти столько же времени жду своей очереди и в результате не могу объясниться.

Регистраторша. Спокойно, спокойно...

Гарунский. Я очень спокоен. Мне нужна справка, что я не состою у вас на учете. Именно что не состою. Вам понятно?

Регистраторша. Так сразу бы и говорили. Паспорт и военный билет.

Гарунский. Паспорт извольте.

Регистраторша. И военный билет.

Гарунский. Да вам он зачем?

Регистраторша. Затем, что нужен.

Гарунский. Я не знал, что он нужен.

Регистраторша. Будете знать.

Гарунский. У меня его нет.

Регистраторша. Очень напрасно.

Гарунский. Так что же мне делать?

Регистраторша. Поезжайте и привезите.

Гарунский. Как? Снова? Вы шутите...

Регистраторша. Здесь не шутят.

Гарунский. Да я и не военнообязанный вовсе.

Регистраторша. Именно об этом и речь. Надо знать, по какой статье вы освобождены.

Гарунский. Не по вашей, можете быть уверены.

Регистраторша. Посмотрю свидетельство и буду уверена.

Гарунский. Значит, после того как в этот зной я совершил мучительный путь, после того как томился здесь час, я снова должен ехать домой и снова к вам, и снова ждать?

Регистраторша. Кто же вам виноват?

Гарунский. И все эти глубоко ненормальные действия я должен проделать, чтобы убедить вас, что я нормален? Триумф логики.

Регистраторша. Меня не надо убеждать. Привезите свидетельство.

Гарунский (с горечью). Так, так. Я вам – справку, и вы мне – справку. Справка за справку, документ за документ. Такие, значит, формы общения вы хотите установить между людьми?

Регистраторша. Я ничего не хочу. Вы чего-то хотите.

Гарунский. Неужели вы не видите, кто перед вами? У вас есть сомнения? Я готов их рассеять. Испытайте меня. Побеседуем.

Регистраторша. Мне беседовать некогда. Я на работе.

Гарунский. Давайте поговорим о театре. Вы любите театр?

Регистраторша. Не устраивайте цирк.

Гарунский. Послушайте, на вас белый халат. Это символ гуманности и любви.

Регистраторша. Какая любовь, уж это оставьте... Гражданин, вы сами себя задерживаете.

Гарунский. Вот вы сказали сейчас: гражданин. Это святое, высокое слово. Гражданин, гражданское чувство, сограждане. Даже поэт согласен не быть поэтом, но стремится быть гражданином. А вы произносите это слово, чтоб отдалить от себя человека.

Регистраторша (внимательно на него смотрит). Я думаю, вам надо встретиться с доктором.

Гарунский. Зачем? При чем тут доктор?

Регистраторша. Да уж так оно будет верней. Я сейчас пройду к Августе Гурьевне, а вы тут спокойненько посидите. (*Уходит.*)

Гарунский (ломая руки). Боже мой, какое унижение!

ОТ АВТОРА

И спустя несколько минут Гарунский был приглашен в кабинет. Августа Гурьевна сидела за столом, с руками, скрещенными на груди, со скорбно сжатыми губами. Мрачный огонь сиял в ее глазах.

3

Августа Гурьевна и Гарунский.

Гарунский. Доктор, я должен вам объяснить...

Августа Гурьевна. Садитесь.

Гарунский. Если вдуматься, все это смешная история, способная вызвать у интеллигентного человека только улыбку.

Августа Гурьевна. Сначала примите эту таблетку и выпейте воды.

Гарунский. Зачем?

Августа Гурьевна. Глотайте.

Гарунский. Если вам это доставит удовольствие, – ради бога. (*Глокает.*) Доктор, я ехал к вам в этот зной, я терпеливо сидел в коридоре, мне нужен какой-то пустяк...

Августа Гурьевна. Я все уже знаю.

Гарунский. Может быть, вам изложили тенденциозно... Я просил вашу сотрудницу об одном: не придавайте значения форме. Достаточно на меня взглянуть, и вы сразу увидите, с кем имеете дело.

Августа Гурьевна. Вы правы.

Гарунский (с чувством). Спасибо.

Августа Гурьевна. По-моему, вы – наш.

Гарунский (со стоном). Что значит – ваш?

Августа Гурьевна. Не беспокоитесь. Многое зависит от вас. Помогите нам, и мы вам поможем.

Гарунский. Позвольте, что ж это происходит? Человек едет к вам, несмотря на зной, трясется в автобусах и трамваях, его сжимают со всех сторон, целый час он томится в очереди, можно сказать, идет на все, чтоб вы засвидетельствовали простейшую вещь: что он никогда здесь не появлялся. И чем же все это завершается?! Ему беспардонно говорят: вы наш!

Августа Гурьевна. Это ваше счастье, что вы к нам пришли. Гарунский. Благодарю за такое счастье.

Августа Гурьевна. Страх передвижения, комплекс толпы, налицо навязчивая идея. Пусть вы не догадывались о своем состоянии. Мы ведь на то и существуем, чтоб установить положение вещей. Во всяком случае, вам нечего опасаться. У меня практически не бывает ошибок. Скажу, не хвастаясь, стоит мне взглянуть, и я определяю – наш или не наш. Иной раз едешь с работы домой и видишь, рядом с тобой – человек. Все, кажется, у него на месте, ведет себя тихо, сидит, молчит, а я посмотрю на него и вижу: наш.

Гарунский. Вы не можете так утверждать. Это чудовищная самонадеянность.

Августа Гурьевна. И это вы говорите мне? Ну, знаете... (*Принимает таблетку и запивает ее водой.*) И он еще спорит. Да вдумайтесь в свое поведение. Перед вами специалист, скажу больше, женщина, вы ее видите в первый раз, но это ничуть не мешает вам быть с ней враждебным и агрессивным.

Гарунский. Помилуйте, да каким же мне быть? Вы утверждаете, что я из ваших.

Августа Гурьевна. Ну и что? Это довольно распространенное явление. В особенности среди мужчин. И тому есть свои причины.

Гарунский. Может быть, вы мне их назовете?

Августа Гурьевна. Да, я их вам назову. Виной всему падение нравов. Там, где моральных ценностей нет, там невозможно психическое здоровье. Если мужчина вырождается в охотника, если его одолевает навязчивая идея знакомств, если мерзавец-эгоцентрист бросает прекрасную

мыслящую женщину, к тому же работающую над диссертацией, ради какой-то колоды в юбке (*отворачивается и утирает глаза платком*), то ясно, что процесс распада зашел далеко.

Гарунский. Какое это имеет ко мне отношение? Я вообще избегаю женщин.

Августа Гурьевна (с нервным смехом). О да, женщин тонких, глубоких, духовных вы избегаете, охотно верю. А почему, позвольте спросить? Они недостаточно для вас хороши? Они не разделяют вашей бредовой идеи превосходства? И в том, в чем вы видите доказательства этой идеи, они видят лишь паранойяльный синдром? Поэтому вы от них бежите? Простите, но это ваша вина.

Гарунский. Доктор, я к вам пришел за бумагой.

Августа Гурьевна. Вы пришли не ко мне, а в регистратуру. (*Сарказм.*) И уж там-то вы распустили хвост. Там вы были в родной стихии. Пускали пыль в глаза, говорили о театре, о поэтах, требовали к себе любви. Вы были уверены, что стоит вам захотеть – и женщина забудет свои обязанности. А когда это вам не удалось, устроили истерику.

Гарунский. Я?

Августа Гурьевна. И все стало ясно.

Гарунский. В последний раз – вы дадите мне справку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.